

Е.С. Сальникова

Положение уголовных и политических ссыльных в Сибири во второй половине XIX века. Сравнительный анализ

Все ссыльные, отправляемые в Сибирь, делились на категории. Особо можно выделить ссыльнопоселенцев и политических, первую, как самую многочисленную и вторую, как особо выделяемую среди ссыльных. Их отличало многое: способ передвижение, отношение начальства, назначаемые пособия и др., хотя по закону особых условий пребывания для политических ссыльных не было предусмотрено. Снисхождение к политическим ссыльным наблюдалось и со стороны администрации генерал-губернатора Восточной Сибири.

Ключевые слова: ссылка, поселенцы, политические и уголовные ссыльные, путь следования в Сибирь, занятия ссыльных.

E.S. Salnikova

The Situation of the political and criminal offenders in Siberia in the second part of 19th century

All criminals sent to Siberia, were divided into some categories. Some of them were criminal and political offenders. The first category was the most multiple, the second- the most privileged. There were so many differences between these two groups: transportation mode, authority attitude, compensation and others. Local authority also showed his indulgence to political criminals.

Keywords: an exile, a deportee, political and penal criminals, an itinerary, exile's activities

Ссылку в Сибирь условно можно разделить на три этапа: тюремное заключение, путь следования по Сибири и отбывание наказания. Во всех официальных документах, которые касались правил ссылки в Сибирь, не выделялся особый порядок следования для политических ссыльных, но на деле он сильно отличался от других категорий арестантов.

Еще до высылки в Сибирь, политические заключенные в тюрьме пользовались чрезвычайными льготами: они жили отдельно от уголовных арестантов, их не заковывали, не брили головы, не надевали арестантского платья. Они имели книги, бумагу, кухню, кладовые, баню, мастерские, где занимались переплетным делом и резьбой по дереву. Только этой категории ссыльных разрешалось курить табак, получать из дома чай, сахар, деньги, книги. «В материальном отношении политические составляли аристократию тюрем и им смело могли завидовать другие арестанты» [7, с. 20].

В тюрьме политическим арестантам свидания с близкими разрешались без всяких ограничений. Тюремная администрация показывала пример человеколюбия, не желая усиливать тяжесть предварительного заключения, разрешала свидания даже не родственникам. Такими лицами являлись «невесты» заключенных, иногда даже не знакомые с ними. Эти «невесты» пользовались решительно всеми преимуществами законных жен.

История ссылки знала немало примеров, когда Министерство внутренних дел меняло место ссылки уже осужденным «невестам», и отправляла их к жениху, иногда даже женатому. «Такие переводы обходились казне недешево (каждая верста пути политических заключенных 19 копейки, а весной 24 копейки)» [7, с. 27].

Льготы для политических ссыльных распространялись на многое. Об этом свидетельствуют, в своих воспоминаниях сами арестанты. «Самый главный вопрос – наличие багажа. По инструкции лицам, лишенным всех прав состояния, разрешалось иметь не более 25 фунтов багажа на каждого, но только казенные вещи имели этот вес. Нельзя было везти книги, каковых у нас накопилось не мало. Но начальство сообщило, что вес багажа будет распределяться на всех отправляемых в партии, а так как административным ссыльным дозволялось иметь 5 пудов, а у них было мало вещей, то мы, каторжане, могли взять с собой и вещи, и книги» [4, с. 125].

До 1879 года все политические и административные ссыльные отправлялись на тройках в сопровождении двух жандармов. С 1879 года, когда число высылаемых быстро возрастало, их стали отправлять пешком этапом, но и здесь они имели при-

вилегии. Из политических формировались отдельные партии. Их отправляли с таким расчетом, чтобы они не встречались с уголовными ссыльными. Это давало им первым возможность свободно располагаться на этапах, занимая целые дома.

По железной дороге политические ссыльные ехали не в арестантских вагонах, а в пассажирских III класса. Во время перевозки партии ссыльных на пароходе, у них были отдельные каюты, свой конвой. Они готовили себе еду отдельно. Им разрешали на пристанях через солдат покупать продукты. Вечером, когда уголовных арестантов закрывали в камерах, политических выпускали на палубу, где они пили чай, пели, читали стихи.

В Томске заканчивался пароходный путь, далее пешим ходом по Московскому тракту. Этот путь был особо тяжелым для арестантов. Очень рано партия выступала в дорогу, чтобы засветло добраться до этапа. Во время ночлега мест на нарах всем не хватало, размещались на полу. Всех этих неудобств политические ссыльные не знали, вставали позже, ехали всю дорогу на телегах, могли гулять во время пути. Этапные офицеры давали им самовары, дрова для приготовления обеда. Даже ночью на этапах им разрешалось выходить во двор. Везде по пути следования и на этапах, и в тюрьмах, политических при приеме и проверке выданных вещей, никогда не задерживали и принимали первыми.

Несмотря на то, что политические пользовались относительной свободой, они часто устраивали протесты, если их что-то не устраивало. В своих воспоминаниях народоволец Л. Дейч (осужденный на 13 лет каторги) писал: «Мы добились, чтобы нас отправляли с этапа не в 4 утра, как уголовных, а в 6, чтобы мы могли выспаться и старший офицер вынужден подчиниться, потому-то мы пригрозили ему бунтом. Некоторые офицеры не прочь были оказать нам любезность и внимание, предлагали нам газеты, отправляли письма»[4, с. 142].

Конвойные офицеры относились к политическим ссыльным сдержанно-официально, стараясь избежать каких-либо столкновений и неприятностей. Особую роль в политических ссыльных партиях играли женщины, они готовили пищу, устраивали быт, но по Уставу о ссыльных, женщины должны были следовать и размещаться в тюрьмах отдельно от мужчин,

вместе с семейными ссылными, однако политические часто добивались совместного этапного проживания: «В Томске девушек опять хотели отделить от нас, но мы послали телеграмму в Санкт-Петербург, в Главное тюремное управление, и оттуда пришел благоприятный ответ. Часть нашей партии в Тюмени должна была отправиться на поселение пешком порядком, они отказались, требуя доставить их водным путем, для чего была отправлена телеграмма губернатору, он сам лично приехал из Тобольска пообещав выполнить эту просьбу» [4, с. 126, 136].

В чем была причина особого положения политических ссыльных? Л. Дейч пишет: «Немалую роль в таком отношении к нам властей играло сознание политическими своей правоты и присущее им чувство собственного достоинства» [4, с. 123]. Возможно, последнее и имело место, но главное то, что большая часть этих людей принадлежала к дворянскому сословию, которое, по Уставу пользовалось особыми льготами. Кроме этого, в основном это были молодые люди, закончившие гимназии, студенты университетов, вставшие на революционный путь, а в России традиционно грамотный человек пользовался особым уважением окружающих.

До 80-х гг. XIX века порядок надзора за политическими ссыльными был не обременительным. Им разрешали селиться в городах Восточной Сибири, 1-2 раза в неделю их посещал судебный пристав.

В 1878 года был принят закон о ссылке политических преступников в Якутию. Все политические ссыльные Якутии делились на 1. административных ссыльных; 2. ссыльнопоселенцев из бывших политкаторжан; 3. сосланных по приговорам суда.

Административная ссылка в Якутскую область вводилась как постоянная карательная мера в системе политических репрессий после издания закона от 8 августа 1878 г. «Положения о ссылке в административном порядке в Восточную Сибирь», и в частности, в Якутскую область. Дополнительно к указу, 12 марта 1882 г. также сюда стали отправлять на поселение после отбытия каторжных работ в Забайкальском крае.

Причиной появления закона была ликвидация революционной организации «Народная воля» и движения «хождения

в народ» (в тюрьмах оказалось более 2 тыс. человек). Из всего количества арестованных предано суду было 193 чел.

Всего за первое десятилетие действия этого закона было сослано 274 человека [6, с. 12]. Их отправляли в глухие улусы Вилуйского округа. Эту категорию ссыльных (сосланных по приговорам суда) наделяли землей, чтобы они могли иметь пропитание, так как пособие от государства, как административным ссыльным, им не полагалось. Из них 152 – русских (53 %), 85 ч. – евреев (30 %), 17 – поляки (6 %)

Социальный состав: дворяне и дети чиновников – 71 чел., мещане – 100 чел. крестьяне – 33 чел., остальное купечество, духовенство и военные – 81 чел. Высшее образование имели 73 человека, среднее – 99, начальное – 53 [6, с. 15].

Из воспоминаний Г. Циперовича (руководитель социал-демократического кружка рабочих и матросов в Одессе в 1894 г.): «Чем дальше отъезжали мы от Якутска, тем яснее и отчетливее чувствовалось, в какую ужасную ненормальную обстановку попали мы. Вокруг нас уже не было стен, не было и ненавистного конвоя, но эта могила, этот беспредельный снег, стерегший нас со всех сторон, шаг за шагом убивал в нас веру в грядущее будущее. Это была тюрьма без оград и запоров, пытка без мучителя, издевательство стихии над страстями и стремлениями живых, но заживо погребенных и бессильных людей» [6, с. 47–48].

Всем уголовным ссыльным, если они не хотели заниматься сельским хозяйством, разрешалось брать выкуп у якутов за полагающийся им надел, или им выдавали паспорта, и они отправлялись на поиски работы.

Намного хуже было административным ссыльным, которые поселялись в якутских наслегах. Им нельзя было отлучаться, в отличие от ссыльнопоселенцев. В существовавших правилах по устройству быта политических ссыльных им воспрещалось заниматься воспитанием детей, преподаванием наук, иметь аптеки, типографии, фотографии, должности в правительственных учреждениях, заниматься медицинской практикой и т. п. И лишь сельское хозяйство было доступным для этой категории граждан. И они, чтобы не погибнуть с голоду, вынуждены были добиваться надела. Занятие земледелием служило для политических ссыльных существенным подспорьем. Арби-

тром в этом споре выступал исправник, областной советник, губернатор. Для них этот спор был доходной статьей. Отказать ссыльному в наделе было нельзя, но можно было, не отказывая, годами вести бюрократическую волокиту за определенную плату со стороны якутов. Из-за этого случались конфликты с якутами. «Якуты ненавидели всех русских и политических в частности. Чувствуешь себя в полной власти враждебно настроенных полудикарей: ничем не гарантирована ни безопасность твое личности, ни имущества» [6, с. 141].

Ссылнопоселенцев как уголовных, так и политических помещали на иждивение в юрту якута, обязывая его кормить, поить до назначения казенного пособия и до обзаведения собственным жилищем. Старосты надела обязывались следить за поселенцами и не позволять отлучки.

Сумма пособия политическим определялось в зависимости от их социального происхождения. Для ссыльных привилегированных сословий ежемесячное пособие 4 руб. 50 коп. на продовольствие и 1,50 на квартиру, это составляло 72 руб. в год (в исключительных случаях цифру повышали до 114 руб. в год, например, когда человек тяжело заболел). Непривилегированным обычные кормовые выдавали как уголовным преступникам по 9 коп. в сутки т. е. 32 руб. в год, в то время, когда в Верхоянске пуд хлеба стоил 5 руб. 40 коп.

Начиная с 1880 года для якутской политической ссылки обеих категорий (привилегированные и непривилегированные) были установлены одинаковые пособия. С 1885 года ставка казенного пособия составляла для Колымского округа 216 руб., для Верхоянского – 180 руб. для Якутского и Олекминского округа – 144 руб. и еще 22 руб. ежегодно на одежду.

Среди первых политических ссыльных 96 человек (33 %) стали заниматься земледелием, в основном это были те ссыльные, которые были сосланы в районы, относительно пригодные для занятий сельским хозяйством, в частности, в Якутский округ. Они немало содействовали распространению хлебопашества среди якутов. И усилиями ссыльных были произведены опыты земледелия за полярным кругом. Якутский губернатор передал искреннюю благодарность Шаганову, Волкову, Васильеву за их труды в деле развития земледелия [6, с. 18].

Несмотря на то что политическим ссыльным разрешалось заниматься лишь сельским хозяйством, на деле местное начальство широко пользовалось силами, знаниями, способностями политических ссыльных. Они учили детей, оказывали медицинскую помощь, юридические советы и пр., и местное население не считалось ни с какими существующими запретами.

Медицинской практикой занимались многие из ссыльных. Острая нужда в медицинской помощи заставляла якутскую администрацию нарушать правила. Значительная группа ссыльных занималась научными исследованиями. На протяжении десятилетий ими велись наблюдения на метеорологических станциях в Верхоянске, Колымске, они занимались изучением края, ремеслами.

В 90-х годах в Якутской области в ссылке появляются члены организации социал-демократов. До 1900 года третья часть всех политических ссыльных принадлежала этой организации. По воспоминаниям народовольцев, кроме идеологических разногласий, были и расхождения по вопросам чисто практическим: чем заниматься во время ссылки и как строить отношения с местным населением. «Некоторые из ссыльных позднейшей формации (социал-демократы), видя в ссылке непосредственное продолжение тюремного заключения, жили лишь чтением и подготовкой революционной деятельности, совершенно игнорируя местную жизнь. Другие, особенно из «стариков» (народовольцы), были тесно связаны со всеми культурными начинаниями, являясь душой и рычагом их. Многие составили себе имя и пользовались широкой и заслуженной популярностью среди местного населения. Ссыльные находили себе место во всех областях жизни, легко приспосабливаясь к новой обстановки, а иногда и к новой профессии» [6, с. 184].

По закону 1882 г. некоторым категориям политических ссыльных, которым назначалась административная ссылка, разрешались поездки в другие уезды Восточной Сибири и даже за границу (например, Д.А. Клеменцу разрешали длительные поездки в Монголию). Также ссыльным, не имеющим занятия, назначались ежемесячные пособия, размер которого зависел от цены продовольствия в данной местности – от 6 до 20 руб. Кроме этого полагались деньги на зимнюю и летнюю одежду

[5, с. 118]. Ссылным других категорий пособия вообще не полагались, они должны были сами себя обеспечивать.

Иным занятиям административных ссылных было строительство путей сообщения. Они участвовали в ремонте и строительстве почтовых трактов. Принимали одного ссылного, а за ним тянулись и другие, для этого они быстро приобретали специальное образование. Они работали в качестве техников с окладом в 1 тыс. руб. в год. В распоряжении каждого находилось несколько человек дорожных мастеров, тоже из ссылных (студенты, учителя, слесари и т. д.), жалованье которых составляло от 50 до 75 руб. в месяц. [5 с. 133].

Большинство из этой категории ссылных в 80-х гг. предпочитали службу на золотых приисках. Они работали в качестве врачей, фельдшеров, конторщиков, кладовщиков, чертежников, электротехников, смотрителей и т. д.

Современный анализ дореволюционной сибирской прессы показывает определенную терпимость и лояльность русского царизма к жизни общества. Политические ссылные, преступники, по сути дела, руководили общественным мнением огромного региона России.

Самым популярным периодическим изданием была ежедневная газета «Восточное обозрение», тираж которой в 90-х гг. составлял 20 тыс. экземпляров. Н.М. Ядринцев – первый редактор, прошел семь лет царской ссылки, перед тем как возглавить газету. И.И. Попов, редактор и издатель с 1894 года, являлся политическим ссылным, отбывающим наказание в Сибири. Из 17 человек редакции – 8 были политическими ссылными.

«Иностранцы, бывавшие в Иркутске, восклицали: – Странная страна!.. Азиатский деспотизм... и такая терпимость к политическим преступникам – с недоумением говорили они, встречая всюду ссылных» [5, с. 63]. По наблюдениям Н. Николаевского, автора книги «Тюрьма и ссылка» (одного из немногих исследований, специально посвященных изучению не ссылки вообще, а именно ее политической части), «главная черта исследуемого современного периода ссылки – ее относительно стабильное экономическое благополучие. По существу, ничто и никто не мешает ссылному в Сибири трудиться для своего блага. Он имеет возможность наниматься на золотые

прииски, заниматься сезонными промыслами, наконец, работать на богатого хозяина. Знания организации труда, почерпнутые из прошлой жизни в Европейской России, оказывают политикам «хорошую службу» – они быстро приобретают опыт управления, становятся заметными фигурами в любом деле [7, с. 136–137].

В то же время ссыльнопоселенцы влачили в Сибири жалкое существование. По закону они все должны были поселяться в деревни, где им полагался земельный надел. При этом ссыльным доставались крайние и худшие участки земли. Надо было приложить много труда, прежде чем привести их в порядок и получить урожай.

Из пришедших ссыльных в назначенные им деревни, брали наделы далеко не все, а их меньшая часть. Препятствием для ссыльных к занятию земледелием являлась крайняя ограниченность материальных средств или их полное отсутствие. Для того чтобы приступить к земледелию, надо было купить лошадь, по крайней мере, одну корову, завести соху, борону, телегу, сброу и, наконец, поставить или купить избу. Даже при дешевизне сибирских цен на скот и лес, на все наиболее необходимое требовалось, в самом лучшем случае, ни меньше 50 рублей, число счастливицков, обладающих такой суммой среди ссыльных было самое ничтожное. За 5 лет из 11 тысяч 258 человек и их семейств – 74 % прибыли совсем без средств, а на каждого ссыльного, имевшего деньги приходилось 23 руб. [2, 1900, 4 июня].

Российские власти отчасти способствовали особому положению политических ссыльных. Так, в 1883 году министр внутренних дел И.Н. Дурново пишет генерал-губернатору Восточной Сибири В. Корсакову: «...в связи с исключительными обстоятельствами последних лет, прибегнуть к чрезвычайным мерам для охраны общественного порядка. В связи с увеличением административных ссыльных. 1. Водворять их в городах группами приблизительно 50–100 чел. Избегать промышленные и учебные центры. 2. Учредить особые команды, которые будут вести наблюдение за ссыльными. Корсаков пишет: «В ответ на ваше письмо, вышло постановление Совета по тюремным делам по вопросу об изыскания способов к улучшению в Сибири быта административно сосланным [3].

Список литературы и источников

1. Белоконовский И.П. По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни. Орел: Тип. Н.А. Семенов, 1887. 245 с.
2. Восточное обозрение. 1900. 4 июня.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 346.
4. Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Н. Глаголева, 1906. 420 с.
5. Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
6. Из истории политической ссылки в Якутскую область: Сб. материалов и воспоминаний. М.: Главлит, 1927. 202 с.
7. Николаевский Н. Тюрьма и ссылка. Очерки политической и религиозной ссылки. М: Университетская типография, 1898. 201 с.

УДК 9(571.53)

И.П. Серебренников

Роль и место ссыльных в террористической деятельности революционеров в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.

Аннотация: Статья посвящена анализу степени участия политических ссыльных в террористической и экспроприаторской деятельности революционеров в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: покушение, революционеры, ссылка, терроризм, террористический акт, экспроприация.

I.P. Serebrennikov

The role and the place of exilers in terrorist activity of revolutionaries in Eastern Siberia at the end of XIX – at the beginning of XX c.

The article is devoted to the analysis of degree of participating political exilers in terrorist and expropriatory activity of revolutionaries in Eastern Siberia at the end of XIX – at the beginning of XX c.

Keywords: Attempt, exile, expropriation, revolutionaries, terrorism, terrorist act.